

Нань Лицзю:

— Подвинься.

Лун Чи быстро раздвинула ноги и раскинула руки, заняв всю кровать:

— Это моя кровать.

Нань Лицзю холодно сказала:

— В комнате только одна кровать.

Лун Чи ответила:

— Тогда спи на полу.

Нань Лицзю усмехнулась:

— Это дом моего дедушки, а ты предлагаешь мне спать на полу.

Лун Чи задумалась: действительно, она гостя, и несправедливо так поступать с хозяевами. Она встала, взяла подушку и меч, собираясь лечь на пол:

— Тогда я сама лягу на пол.

Нань Лицзю всё тем же ледяным голосом произнесла:

— Тогда лучше будь готова к тому, что во сне можешь переместиться по земной энергии в чей-нибудь котёл и быть сваренной.

Лун Чи с удивлением посмотрела на Нань Лицзю:

— Что ты имеешь в виду?

Нань Лицзю не ответила, легла на край кровати, одетая. Она лежала на спине, руки сложены на животе, спала прямо, как палка.

Лун Чи пробормотала:

— Спит, как труп.

Взяв подушку, она открыла шкаф, достала одеяло и устроилась спать на полу.

Нань Лицзю не стала спорить с Лун Чи, которая назвала её «трупом». По крайней мере, она спала в правильной позе, в отличие от этой женьшеневой духини, у которой вообще не было

никакой позы.

Однако она не могла не признать, что Лун Чи действительно хорошо спала. Едва голова касалась подушки, как она засыпала, и Нань Лицзю даже не успевала досчитать до ста.

*****

Лун Чи спала крепким сном, как вдруг почувствовала боль в ягодице, отчего резко вскочила. Оказалось, что она уже у входа во двор, но вокруг не было никого и ничего странного, только в воздухе витал слабый аромат женьшеня, а ягодица всё ещё немного болела. Она потрогала болезненное место и обнаружила, что на пальцах осталась капля крови, как будто её укололи иглой. Она была в замешательстве, когда из комнаты раздался холодный голос Нань Лицзю:

— Ты собираешься спать на улице?

Лун Чи поняла, что это Нань Лицзю уколола её.

Она посмотрела на ворота двора, затем на комнату, которая была далеко, и двери которой даже не открывались. Ей стало странно. Как она оказалась во дворе? Она никогда не была такой невнимательной! Она вспомнила, что на Великой горе Инь тоже часто просыпалась не на том месте, где засыпала. «Может быть, это из-за того, что я женьшеневый дух, и, соприкасаясь с землёй, начинаю перемещаться?» — подумала она, полная сомнений, и вернулась к двери комнаты. Попытавшись открыть её, она обнаружила, что дверь заперта. Заглянув в окно, она увидела, что оно открыто, и забралась внутрь.

Она решила всё же лечь на кровать. Зная, что Нань Лицзю не позволит ей это сделать, она решила втиснуться насильно. У Нань Лицзю были проблемы с ногами, и она не могла её оттолкнуть, поэтому Лун Чи решила забраться на кровать с изножья.

Едва она поставила ногу на край кровати, как раздался голос Нань Лицзю:

— Ты вся в грязи, иди помойся.

Перед ней появилась сетка, плотнее, чем отверстия в москитной сетке, через которую даже комар не смог бы пролететь.

Лун Чи злобно указала на Нань Лицзю, но, ничего не поделаешь, пошла набрать два ведра воды, помылась и наконец забралась на кровать.

Она уже начала засыпать, как вдруг кто-то пощекотал ей ступню, отчего она резко дёрнулась и проснулась. Увидев, что Нань Лицзю лежит, как труп, с открытыми глазами и без выражения на лице, она сказала:

— Ноги не вытягивай.

Лун Чи убрала ногу, которая уже почти оказалась на другой стороне кровати, и с возмущением подумала: «Если бы я могла тебя одолеть, я бы точно скинула тебя с кровати». Она сжалась в углу, взяла меч, лежавший поперёк подушки, и, прижав его к груди, уставилась на Нань Лицзю с угрозой. Но та не обращала на неё внимания, и Лун Чи снова закрыла глаза, пытаясь уснуть.

Её дважды разбудили, и сон уже пропал.

В темноте Нань Лицзю, лежащая прямо, без малейшего движения в груди, действительно напоминала живого мертвеца.

Однако Нань Лицзю была действительно красивой, с длинными ресницами, изящными чертами лица и холодным выражением. Её характер был ужасным, она вспыхивала, как порох, но даже когда злилась, выглядела великолепно.

Лун Чи предположила, что Нань Лицзю уже спит, и начала потихоньку подбираться к ней.

Едва она приблизилась, как снова раздался холодный голос Нань Лицзю:

— Отойди подальше.

Лун Чи с насмешкой фыркнула:

— Не буду.

Она снова откатилась на свою сторону. Подумав, она снова подобралась к Нань Лицзю и, положив палец ей на губы, спросила:

— Хочешь перекусить?

Нань Лицзю резко открыла глаза, и в них вспыхнул волчий огонёк.

Лун Чи вздрогнула, убрала руку и с улыбкой сказала:

— Я пошутила.

Затем, подняв бровь, добавила:

— Мечтаешь о ночном перекусе, да?

Она увидела, что Нань Лицзю всё ещё пристально смотрит на неё, и её взгляд был... словно она хотела её съесть.

Лун Чи почувствовала дрожь в сердце, её взгляд забегал, и она послушно откатилась на свою

сторону.

Нань Лицзю снова закрыла глаза, сжав руки на животе. Её горло сжалось от желания.

Хотя аромат цветка-дурмана скрывал запах Лун Чи, её энергичность было трудно игнорировать. Её сердцебиение, дыхание, белые руки и ноги, мелькающие перед глазами, вызывали сильное желание. Она, поглотив силу упыря-хоу, преодолела скорбь и восстановила своё тело, но по сути была трупом-демоном. Хотя у неё было сердцебиение, только несколько капель жизненной крови в сердце были тёплыми, и это было её сущностью как «живого» существа. Источником этих капель крови был не упырь-хоу, а Лун Чи. Она питалась её кровью и заключила с ней духовную клятву, что дало ей эту возможность. Кровь Лун Чи, как небесное сокровище, была невероятно вкусной.

В ночь полнолуния, когда иньская ци была на пике, они находились в одной комнате, спали на одной кровати, и Нань Лицзю не могла сдержать своих мыслей.

Она хотела пить кровь, хотела укусить Лун Чи, или, возможно, ей хотелось увидеть, как Лун Чи будет кричать от боли.

Нань Лицзю не знала, понимала ли Лун Чи, что она вырастила через духовную клятву, но она сама знала, что по сути была злым существом. Она умерла, полная гнева и несправедливости, и её дух, слившись с Небесной звёздной сферой, превратился в город Уван, город-призрак, питающийся кровью и душами живых. Она преодолела скорбь, обрела форму и восстановила тело, но по сути оставалась крайне иньским и злым трупом-демоном. Её злость и ярость были подавлены драконьей ци и Небесной звёздной сферой, а вся её жестокость была скрыта под маской защитницы, которая в одиночку противостояла армии Царства призраков Преисподней. В её глубине таилась жажда крови, которую не могли подавить даже драконья ци и Небесная звёздная сфера, а также постоянное чувство несправедливости и гнева, грызущее её изнутри.

Ей нравилась чистота, живость и прямолинейность Лун Чи, которая, испытывая несправедливость или обиду, просто доставала меч и действовала, не скрывая своих чувств, живя искренне.

Лун Чи была дикой, как трава, растущей свободно и с шипами, которая, если была недовольна, сначала колола, а потом уже думала, и если не могла одолеть, то сдавалась.

Нань Лицзю задумалась, и её желание, вызванное «ночным перекусом», уже утихло, как вдруг палец Лун Чи снова оказался у неё под носом, будто проверяя, дышит ли она.

Она открыла глаза, медленно повернула голову и холодно сказала:

— Ты не спишь, хочешь проблем?

Лун Чи ответила:

— Это ты меня дважды разбудила.

Она подняла палец и нарисовала на лице Нань Лицзю большую двойку, заодно потёршись о её лицо, затем убрала руку.

Нань Лицзю усмехнулась, сжав руки на животе, и подумала: «Поверь, однажды я укушу тебя, и ты пожалеешь».

Лун Чи села и легонько пнула Нань Лицзю ногой:

— Ты думаешь, я дура? Когда я не была с тобой, я не каталась по полу во сне, а теперь, когда мы вместе, я чуть не уснула на улице, а ты ещё и щекочешь мне ступни.

Нань Лицзю ещё холоднее сказала:

— Не видела, чтобы кто-то так вытягивал ноги во сне. Ты ещё будешь спать?

Лун Чи подумала: как можно спать, когда рядом лежит кто-то, кто спит прямо, как палка, и даже не дышит? Она взяла меч и встала с кровати.

<http://bllate.org/book/15297/1351477>